

Генерал глядел на меня пристально, полагая, вероятно, что я с ума сошел (в чем почти и не ошибался).

«Как это? Очистить Белогорскую крепость?» — сказал он наконец.

— Ручаюсь вам за успех, — отвечал я с жаром. Только отпустите меня.

«Нет, молодой человек» — сказал он качая головою. «На таком великом расстоянии неприятелю легко будет отрезать вас от коммуникации с главным стратегическим пунктом и получить над вами совершенную победу. Пресеченная коммуникация...»

Я испугался, увидя его завлеченного в военные рассуждения, и спешил его прервать. Дочь капитана Миронова, — сказал я ему, — пишет ко мне письмо; она просит помощи: Швабрин принуждает ее вытти за него замуж.

«Неужто? О, этот Швабрин превеликий Schelm, и если попадется ко мне в руки, то я велю его судить в 24 часа, и мы расстреляем его на парапете крепости! Но покамест надобно взять терпение...»

— Взять терпение! — вскричал я вне себя. А он между тем женится на Марье Ивановне!...

«О!», возразил генерал. «Это еще не беда: лучше ей быть, покамест, женою Швабрина; он теперь может оказать ей протекцию; а когда его расстреляем, тогда, бог даст, сыщутся ей и женишки. Миленькие вдовушки в девках не сидят; то-есть, хотел я сказать, что вдовушка скорее найдет себе мужа, нежели девица.»

— Скорее соглашусь умереть, — сказал я в бешенстве, — нежели уступить ее Швабрину!

«Ба, ба, ба, ба» — сказал старик. «Теперь понимаю: ты видно в Марью Ивановну влюблен. О, дело другое! Бедный малый! Но всё же я никак не могу дать тебе роту солдат и полсотни казаков. Эта